

«Комментарий»-статья о романе Виктора Власова о средневековой Японии. Отрывок этого романа опубликован в омском литературном журнале «Точка зрения»:
<http://litbook.ru/article/2958/>

Эх, этот Власов ещё и прозаик?

Роман «Последний рассвет» раскрывает нам Виктора Власова с неожиданной стороны. Оказывается, он не только специальный корреспондент общероссийского журнала «Наша молодёжь», не только менеджер журнала «Вольный лист», но ещё и сочинитель стильной прозы, который обещает в будущем, творчески взрослея, вырасти в писателя неординарного, с широким тематическим охватом, и со своим лицом. Я уверен, где-то на Аллее литераторов, что на бульваре Мартынова, греет место солнышко воздвигнутому потомками в будущем памятному камню с инициалами В.В.В. и крылатой фразой от Виктора Витальевича. Ах, слава, слава! Скорее бы уж...

Да, историк из Виктора никакой. Но писатель и не обязан уподобляться хроникёру – его задача двояка: создать захватывающий сюжет и художественно его оформить. В романе «Последний рассвет» действие развивается по нескольким линиям, стремительно, с неожиданными поворотами, с интригой, и потому он исторический и авантюрный. Действующие лица – уроженцы Дальнего Востока, Японских островов, страны с особенной, непонятной и непривычной нам культурой. Виктор Власов принял смелое решение – одновременно с увлекательным повествованием передать ощущение иного мира. Это ему удалось!

На первый взгляд, роман перегружен иностранными словами. Имена, значение которых автор зачем-то расшифровывает в сносках, оказывается, имеют смысл! Они отражают черты характеров действующих лиц. Этот приём интересен, и впервые был использован Власовым в повести «Под стопой Одина». Много внимания автор уделил внедрению в сознание читателя японских слов, обозначающих предметы обихода тамошних жителей. Сперва это читать неудобно, приходится отвлекаться на сноски, но впоследствии, если перетерпеть самое начало, иностранные слова уже не вызывают отторжения – их читаешь легко и ясно понимаешь, о чём идёт речь. Автор мог бы избежать такого неудобства, если бы ввёл в роман главного героя-европейца и уже его понятиями описывать ситуацию. Но тогда самураи сражались бы не катанами и нагинатами, а мечами, саблями, алебардами, обувались бы не в гэтта и дзори, а в сандалии и сапоги. Что осталось бы японского в романе?

Сюжет романа «Последний рассвет» словно в волшебном зеркале искажённо отображая исторические реалии, показывает нам символизм той интереснейшей переломной эпохи Страны Восходящего солнца, когда создавалось и укреплялось своеобразие культуры японского народа, начинавшего отделять свою самобытность от китайского или корейского культурного образца. Интерес Власова к проблеме героического служения Отечеству можно усмотреть в схожести двух его произведений, написанных одно за другим в 2012, високосном, году Чёрного Дракона накануне ожидаемого светопреставления. Средневековые горной Шотландии, отображённое в повести «Под стопой Одина», столь же насыщено героикой, сепаратизмом и непримиримым национализмом, что и средневековые Ямато, притом, Япония – тоже горная страна, раздробленная на многочисленные изолированные горными хребтами анклавов, и её исторические пути подобны путям становления Шотландии.

Проблема междоусобной борьбы кланов и группок в раздробленной при слабой центральной власти стране на фоне растущего национализма актуальна и для современности, поэтому роман читается легко – мотивы героев понятны. Но Виктор Власов не был бы собой, придерживайся он

исторического реализма. Наверное, причина увода вполне реалистичного сюжета в открытую демонстрацию мистической природы событий – это протест автора, отказ признавать рациональными мотивы противоборствующих сторон. Вроде бы вожди обоих лагерей по-своему любят народ и видят благо страны в её объединении под началом справедливого и разумного правителя, приверженца традиции. Но почему же они никак не могут поладить, отчего непременно должна литься кровь этого самого обожаемого народа? Причины неприязни современников, считает Власов, коренятся в приверженности нынешних патриотов славе предков, которые в своё время не сумели установить мир и оставили вражду в наследство потомкам. Наверное, поэтому тема патриотизма звучит в романе «Последний рассвет» даже не двусмысленно, а с отчётливо ироничной интонацией.

Надуманность официальной Истории, искусственность официальной Культуры – как никогда контрастно выявляются именно в переломный период, и таким периодом для Японии был конец правления сёгуна Муромати. Роль сёгуна из рода Асикага в романе – нулевая, роль императора Гонары тоже ограничена его присутствием во дворце в Киото. Император Нинтоку вместо руководства подконтрольной ему страной тихонько сидит в пронизанном интригами Эдо, в полной безопасности, потому что он – марионетка и ничего не способен решать. Зато активна роль придворной аристократии, во все века строившей всевозможные козни друг против друга, изыскивая новейшие средства для преобладания шкурных интересов, и тем самым двигавшей исторический процесс. Такие средства Власов показывает, создавая образы придворных и военных аристократов – советника Мотохайдуса, сёгуна Ёсисады, главаря якудза Кендзо, генералов Ямамото, Хавасана, Риозо, Имагавы. Каждый из них являет в романе свою правду, собственное видение происходящих событий, их поступки индивидуальны.

Яркая индивидуальность присуща и героям, наиболее близким читателю эмоционально, к числу которых можно отнести и мятежную принцессу Суа, и мастеров Лао, Шуинся, известных нам по повести «Красный лотос». Глубокий драматизм их личностных переживаний обусловлен сплетением нелепых и тяжёлых внешних обстоятельств, в которых им невольно приходится участвовать, то и дело, принимая ответственные решения – правильные, или ошибочные, зачастую вынужденные. И вновь иррациональная природа подсознательного выдвигается автором на передний план. Как элемент, связующий мистическое и реалистичное, в романе действуют предсказатели и медиумы: настоятель храма Минобусан, ямабуси Сэндей, Саюке-химэ в образе демонессы Оннигороши, мудрец Генбо и его дополняющий образ – кот с подселившейся в животное душой самурая Идзавары, старая шаманка народной традиции – Казуми ёси, придворный звездочёт из Эдо, жрица святилища Исэ Юкио-мико, неизвестная женщина на острове Иё, и прочие. Такое разнообразие действующих лиц, отображающее различия отнюдь не единой мистической традиции японской культуры говорит об очень серьёзной работе автора романа с материалом источников.

Любопытен сам факт рождения такого романа в городе на Иртыше. По свидетельствам этнологов, Японские острова заселялись с нескольких направлений, и в генофонде наиболее успешного народа, который мы называем японцами, определяются маркеры, указывающие на их родство с аборигенным населением... Сибири. Судя по склонности автора «Последнего рассвета» к мистификациям в периодике и к мистике в прозе, вполне возможно то, что древние духи, бестелесно населяющие сибирские просторы, как-то повлияли на выбор Виктором Власовым темы и идеи странного жанра «мистико-исторического авантюрного романа». Второе замечательное художественное явление – смелое, сказал бы я, соединение двух произведений, совершенно разностильных, в диалог. Действительно, если повесть «Красный лотос» – очевидная мультипликация, авторская речь и образы в ней откровенно упрощены, то роман «Последний рассвет» – это «взрослый» триллер, с детективным сюжетом, с яркими внутренними переживаниями героев, насыщенный познавательными сведениями.

Возможно, автору романа неоднократно попевают за упущения и огрехи, которые не удалось устранить, но ведь критика помогает совершенствоваться. В заключение этой статьи хочется пожелать Виктору Власову творческого роста в серьезной художественной прозе и предостеречь от легкомысленного распыления душевных сил на многочисленные газетные публикации.

Дмитрий Карин,

Литературовед.